

О ВЗАИМОПОНИМАНИИ

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: На основании логики В.С. Библера автор делает вывод о невозможности самой идеи взаимопонимания, ибо логика для Библера всеобща и одноразова, а исторические формы всеобщности не наличны. Актуализируясь в точке взаимообоснования логик, они еще только возможны. Автор обращает внимание на то, что понимание, которое для Библера является опознавательным знаком познающего разума, включает в себя и ту взаимность, которая определяет разум культурный, и оказывается действительным, только пройдя через точку полного непонимания. Ибо чтобы нечто понять, нужно суметь увидеть дополнительное измерение события, заключающееся в том, чтобы оценить степень добровольности действия. Не случайны постоянные повторы Библера относительно не рационализации, а упования на идею множества всеобщих, равномогущих друг с другом разумов. Идея упования может свидетельствовать и спор, происходящий ради спора.

Ключевые слова: диалог, взаимопонимание, понятие, концепт, логика, монологист, диалогик, мысль, небытие, точка.

3–4 июля 2018 г. в г. Киеве состоялись Международные Чтения в честь 100-летия выдающегося философа XX в., автора идеи «Диалог культур», создателя Школы «Диалог культур, руководителя независимой группы «Архэ» и главного редактора ежегодника культурно-логического семинара «Архэ» Владимира Соломоновича Библера. Юбилей философа начали отмечать еще в декабре 2017 г.: в июньском номере (№ 24) интернет-журнала «Vox. Философский журнал» были опубликованы материалы круглого стола, модераторами которого были участники библеровского семинара «Диалог культур» С.С. Неретина и П.Д. Тищенко и в котором участвовали, помимо модераторов, Т.Б. Длугач, Л.А. Маркова, Г.Б. Гутнер, А.Ю. Шеманов, С.М. Малков и Н.Н. Мурзин. Выступления касались не только анализа биографии Библера, но, прежде всего, его идей, их влияния на современную философию, их вписанности в мировой контекст. Для журнала «Вопросы философии» (2018. № 9) был подготовлен цикл статей, посвященный Библеру, авторами которых являются А.В. Ахутин, С.С. Неретина, Г.Б. Гутнер и др.

Киевские Международные Чтения тоже начались с круглого стола «Наследие В.С. Библера и современность. Часть 1. Философия» (3 июня), на котором прозвучали сообщения Анатолия Волюнца (США) «Зачем читать Библера или что такое „дух времени“?», Светланы Неретиной (Россия) «О взаимопонимании», Вадима Розина (Россия) «В.С. Библер

и Г.П. Щедровицкий: две стратегии построения новой философии», Сергея Копылова (Киев) «Еще раз о сознании и мышлении (на полях работы Библера)», Юрия Троицкого (Россия) «Проективные понятия как предмет философской рефлексии», Павла Тищенко (Россия) «Поэзия и поэтика В.С. Библера». 4 июня была проведена презентация книги В.С. Библера «Культура. Диалог культур» на украинском языке, которая состоит из Предисловия, написанного И.Л. Берлянд, и двух частей. В первую вошли статьи Библера, а вторая включает статьи о нем А.В. Ахутина, И.Л. Берлянд, А. Волынца и небольшой Словник. И. Берлянд, А. Волынец, С. Копылов, А. Ахутин, Л. Финберг и др. рассказывали о трудностях перевода, сделавшего философию Библера фактом украинской культуры, чему весьма способствовало издательство «Дух і Літера», прекрасно оформившее и отредактировавшее книгу (издатели К. Сигов и Л. Финберг).

В этот же день состоялся второй круглый стол «Наследие Библера и современность. Часть 2. Школа диалога культур», на котором прозвучало сообщение А. Волынца (США) «Предопределения Школы диалога культур», а Ю. Троицкий (Россия) провел мастер-класс «Школа понимания: от Диалога культур к диалогу в Культуре». Затем было свободное обсуждение проблем диалога, в котором участвовали все желающие.

Сообщение С.С. Неретиной «О взаимопонимании» поднимает одну из ключевых проблем диалогии (или парадоксологии) Библера.

Любой философ наиболее эффективен в пунктах, вызывающих не согласие, а разногласие. У Библера же есть моменты рассуждения, которые вызывают сомнение или недоумение. Одно из них касается важной для Библера идеи взаимопонимания. Для Библера это — **логический** термин. Для него разум XX в. — Разум Взаимопонимающий. Он влечет за собой идею взаимопонимания разновременных культур. В «Мышлении как творчество» об этом еще речи нет, но зато много в «Еще одном диалоге Монолога с Диалогиком» [Библер 1997: 162–206], где взаимопонимание противопоставляется пониманию. Взаимопонимание сопровождают субъекты: Собеседник, Читатель, участники библеровского кружка, которых может сопровождать, например, встречающая интуиция, необходимая для «логического обоснования логики (ее исходных положений, начал)».

Начать я хотела бы с цитат. Библер не раз повторял, что философская логика культуры одна. Это логика начала логики в ее тройственном определении: диалогической, трансдуктивной и парадоксологической. «Итак, — пишет он «Вместо заключения», раскрывая «Итоги и замыслы (конспект философской логики культуры)», — философская логика конца XX века *онто-логически* может быть определена как „логика культуры“, а собственно *логически* — как „логика начала логики“» [Библер 1997: 435]. Когда философская логика доводит логическое до предела, остается **одна-единственная логика**. Даже еще острее. «Этой логики нет в канун произведения, нет в самом произведении... ее нет в обычном наличном формализме мышления. Ее не существует вообще. Она есть только в свободном предположении современного философа... эта логика может (и должна) быть развернута-сконструирована-изобретена, — понята... только в философском произведении XX века. Она **всеобща и — одноразова**» [Библер 1997: 436].

И вторая цитата: «От логики трансдукции: логический выход к внелогическому бытию (предмета и — субъекта — здесь — п о н и м а н и я — разных форм понимания) актуализируется в самой точке (в неделимом моменте) взаимообоснования логик, во **внедиалогической** точке еще — и уже — *небытия мысли*. В такой точке взаимообоснования, где исторические логики, исторические формы всеобщности одновременно и взаимопорождают друг друга, — еще не наличны, еще только в о з м о ж н ы» [Библер 1997: 434].

Здесь, заметим, речь, во-первых, идет об одноразовости логики. И это рождает вопрос: когда же возможно не просто понимание, а взаимопонимание, особенно если речь идет о Заключении книги). А, во-вторых, — о **внедиалогической** точке, т. е. такой, где нет и субъек-

тов понимания. В этом случае речи нет не только о взаимопонимании, но о понимании вообще.

Библер, как известно, понимал диалогическую диалогическую логику, сведенных воедино в точках начала и самозамыкания. Это и образует диалог культур.

Исходно различные, вступающие между собой в диалог и порождающие друг друга логики — это, по его выражению, ядра тех форм культуры, которые выносятся на грань последних вопросов бытия. В точке взаимопорождения логик (впрочем, что это такое — точка? Ничто?) взаимопорождаются различные культуры. В «Диалоге культур» речь идет о диалогичности самой истины (...красоты, добра...), о том, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я – Ты» как онтологически различных личностей, обладающих — актуально, или потенциально, — различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра... «Причем цивилизации существуют как культуры только в диалоге культур, **в точке**, в момент их взаимопорождения» [Библер 1991: 230–231. Выделено мной. — С.Н.]. Библер при этом не останавливается на разъяснении того, что такое точка, впечатление, что для него это не ничто, а пункт напряжения, где все сконцентрировалось и из-ничто-жилось. Более того, складывается впечатление, что возникает путаница с онтологией, с существованием и идеализациями этого существования, ибо личность — не идея. Это реальное существование человека в его определенности. Библер сам это осознает как «двойную, двоякую деятельность, одновременное изменение реального и идеального предмета, невозможного для „земного бытия“, не могущего существовать в камне или в металле („материальная точка“, „виртуальная частица“, „актуальная бесконечность“)» [Библер 1991: 95]. Он считает «такое несовпадение, зазор между двумя определениями цельной практической деятельности, двумя ее предметами» тем, что «составляет сущность, полное определение практики» [Там же: 96]. Текст же «воспроизводит «само это несовпадение», потому процесс мышления замыкается на себя на пути к воплощению, представляя особую форму деятельности». Она в данном случае и есть идея диалога, понимаемая как всеобщая логическая идея, как идея движения к всеобщему, как «всеобщее определение неделимых начал мышления. О чем бы человек ни размышлял, конечным, действительным „предметом“ (?) его мышления всегда является его собственная мысль и, далее, его образ мышления, в исходном начале, в своей замкнутости и цельности. Мысль есть осознанное несовпадение меня, действующего и мыслящего, — со мной, размышляющим о своем мышлении, о самом себе» [Библер 1991: 229]. Эта мысль реализуется не через «обобщение», но через **общение** логик. Это и есть идея культуры, с которой имеет дело диалогика во всеобщем работающем смысле, где логика диалога может найти свою форму развития и изложения, которую Библер называл «культурой логики».

В чем смысл взаимопонимания? В общении, в «между», во «взаимо»? Причем «взаимо» может пониматься — ничто этому не мешает — и в смысле «займа», и в смысле полного, синхронного совпадения... Библер, казалось бы согласен с последним допущением, он пишет: «И в теоретическом, и в художественном мышлении формируется новая всеобщая ориентация разума **на идею взаимопонимания**, общения через эпохи» [Библер 1991: 271]. Формы разума при этом **«как-то аналогичны** (выделено мной. — С.Н.), прежде всего, формам эстетического, художественного освоения бытия». Сказано: «как-то аналогичны», ибо нет слов для показа взаимности там, где еще ничего нет.

Но если взаимопонимание понимать как аналогию, то это противоречит одиночеству разума (см. выше цитату). Ибо аналогия («пропорция, соответствие, соразмерность») — предполагает минимум двоицу, свидетельствующую о равенстве отношений или сходстве вещей, о познании через сравнение.

Кстати, понимание тоже предполагает со-в-падение. Не слишком ясно, почему Библер столь привязал его к познанию (познающему разуму) и почему его отлучили от диалога культур? — Ни в одном европейском языке, включая древние, кроме русского, нет специаль-

ного термина «взаимопонимание». В понимание — и *intellectum*, и *comprehensum* — входит «взаимопонимание». *Intellectum* — общее для обеих сторон между-речь — это вполне можно принять за начало, за текст, который мы начинаем читать и при чтении пойдем разными избранными путями: один и тот же текст можно прочесть и как «в храме Господа моего», и как «в хоромах господина моего». Понимать — это и мыслить, а мышление всегда, как давным-давно сказал М. Хайдеггер (не современные нейролингвистологи), опережает действие человека, поскольку человек (кто он? что он?) — это и по сей день великая проблема. Понимать — это и помнить, и внимать зову, и слышать, и переводить, т. е. понимать другую, в том числе — чужую речь. И когда Шопенгауэр говорил: «Мир есть мое представление» — это можно расценивать и «как мое понимание» того соотношения идеального и реального, о чем Библер говорил, как о зазоре (см. выше) между двумя определениями цельной практической деятельности, двумя ее предметами, что составляет загадку мира. Осознание энигматичности мира — важно для вхождения в идею (взаимо)понимания Библера.

При таком отсутствии общей позиции в отношении различия между пониманием и взаимопониманием можно прислушаться к словам Хайдеггера, показавшим выход из этой стесненности мышления на свободу: «оставить поле философских спекуляций и осторожно, тщательно и научно исследовать, как вообще обстоит дело с пониманием» [Хайдеггер 2006: 53].

Просто сказать: они знают иное, вряд ли возможно, хотя, конечно, участники трагедийного, драматического действия («явление такое-то, те же, и...») «имеют в виду разные смыслы понимания, актуализируют — в бесконечность — разные грани и возможности бесконечно-возможного бытия» [Библер 1991: 272]. Но (у Библера нет никакого «но», нет никакого противопоставления) «в XX веке... выясняется и другое: смыслы и ориентации разумения Аристотеля и Галилея, Галилея и Бора могут быть действительно осмыслены... лишь в их *отношении* друг к другу, в точках взаимного *предельного перехода*» [там же]. Библер лишь, как само собой разумеющееся, добавляет: это «действительно — в контексте XX века». Но (можно опять сказать «но») не означает ли это усеченного понимания, если мы все сводим к контексту XX в.? Вот и Библер говорит: «В философских и художественных произведениях, в образно воплощенных нравственных перипетиях осуществляется — *неуловимо* текучее» [там же: 273. Выделено мной. — С.Н.], т. е. мышление никогда не стоит на месте, хотя, по Библеру, в произведении оно вместе с тем «постоянно замыкается „на себя“ (композиционно замкнутое) — общение человека с человеком» [Там же].

Скажем снова: но — какая логика в неуловимости? Есть **способность** передать неуловимость и интуицию. Улов связан с истором, ведущим третейский суд. Неуловимость — уход от этого суда. В этом месте я умер для понимания.. Когда Библер говорит о **взаимопонимании** между людьми (как между автором и читателем, автором и зрителем), которое осуществляется в произведении, то это предполагает их полное равноправие. Но здесь, на мой взгляд, надо заметить, что равноправие — это не просто равенство позиций относительно статусов, это равенство активности (действия), тем более что мы говорим о предельных состояниях. Однако равенства активностей нет и в принципе не может быть, если текст (пока еще не произведение — произведение становится произведением в момент его делания, в том числе читателем) нам дан как целое. Мы всегда имеем дело с **активно-пассивным** состоянием самой этой взаимности — между автором и читателем, читателем и текстом. Взаимопонимание — не оказывается ли оно оборотом речи, **родом зова**? Когда «каждый мыслитель продумывает только одну единственную мысль» [Хайдеггер 2006: 58], мыслимое должно быть предельно однозначным — таким, казалось бы, должно быть взаимопонимание, — автор/читатель, со-беседники должны впасть друг в друга, со-впасть, но «однозначное многомерно в пространствах, которые входят одно в другое» [там же: 60], а собеседники могут принадлежать разным пространствам (античной Греции и современной России, например) — и это значит: взаимопонимания нет, есть лишь понимание на уровне своего времени. (грамматика Августина, например, вообще не совпадает с нашим представлением о ла-

тинской грамматике). Именно отсутствие понимания рождает комментарий, который в то же время может быть истолкованием или интерпретацией — от депонентного, активно действующего глагола *interpretari* при его пассивной выраженности, от *interpres* — посредник, вестник. Сама мысль о посредничестве важна, но это значит: мы имеем дело с неравенством, нуждающимся в получении помощи.

В момент взаимопредположения логик, разумеется, есть идея понимания, в которой присутствует взаимность, но равенства нет. Библер об этом говорит так: «Общение культур как личностей, способных к бесконечной актуализации, само определение культуры подразумевает — в пределе — общение разных разумов, то есть общение через пропасть полного непонимания и — в насущности — истинного взаимопонимания» [Библер 1991: 296]. Я вижу в этом не столько логику, сколько риторическое высказывание, ибо, конечно, при впадении в ничто (иронически, конечно) можно говорить и о взаимопонимании — в ничто как в нулевое время.

С идеей взаимопонимания кажется, что мы ломимся в открытую дверь, ибо и сам разум есть, как говорил Хайдеггер, «внятие, *Vernehmen*, того, что есть (соответственно, что может быть и что должно быть)» [Хайдеггер 2006: 67]. Но *Vernehmen* начат и слышать, воспринимать, принимать, предпринимать, внимать *себе*, не обязательно произведению. Это внятие — мигание, проблеск поверхностной видимости.

Говоря «внимать себе» мы сталкиваемся с тем, что можно назвать субъективацией. При этом можно задать вопрос: всегда ли внятие себе является действием самого себя? Этот вопрос важен для философии самосознания. Ибо это позволяет нам делать разные акценты в одних и тех же рассказах. «Греки победили персов» — рассказ о греках, «персы были побеждены греками» — о персах [Декомб 2011: 73]. Здесь мы сталкиваемся (мы анализируем идею взаимопонимания) с активно-пассивным залогом: я читаю это произведение и пытаюсь его понять, потому что а) Библер своей интонацией, заинтересованностью заинтриговал меня, пришедшего просто послушать интересного, как мне говорили, человека; б) рассказать историю в измененном залоге означает добавить рассказу дополнительное измерение, поскольку нужно оценить степень добровольности действия. Нельзя ли в философии всякую активизацию другого действующего лица (а понимающий — другое действующее лицо), заставляющую включиться в понимание волю, назвать манипуляцией этой волей? Это притом, повторю, что никто меня не загонял слушать Библиера, я пришла сама.

Что происходит? Я могу послушать и уйти. Но если я вступаю на путь понимания, то вся словесная система, например, система нарративных глаголов из аналитических понятий преобразуется в каузальные, образует каузальную цепь и приводит в движение функцию понимания. Действовать все может согласованно, но, хотя и согласованно, по своей ли воле? Ведь одно дело, если Петя смотрит картину сам, и другое, если Петя смотрит картину, потому что его попросил это сделать Вася. Здесь при сохранении активности действия мы имеем дело с вспомогательным действующим лицом [Декомб 2011, 98–99]. В современных гуманитарных техниках и в тоталитарных организациях возникает такое желание «заставлять **не заставляя**» действовать других [Декомб 2011: 99–100].

Я понимаю, почему Библер время от времени говорил о мистичности своих рассуждений. Потому что, когда кто-то совершает собственное действие, которое не является действием кого-то другого (он в литературе называется главным деятелем, не просто непосредственным деятелем), а является действием *causa sui*, когда кто-то совершает действие без внешней причины, то часто такое понимание вещей расценивается как загадочное. Нужен призыв, и Библер говорит о зове произведения. Простой факт обращения (зов!) к кому-то с побуждением к действию, показывает, что мы признаем в нем подлинного субъекта операций, но и в данном случае — понимания, не **взаимопонимания**. Понимать — значит не просто познавать, как считает Библер, но мыслить. Мы, если мы желаем мыслить, втянуты в этот зов.

С этим связаны в латинском языке депонентные глаголы, а в современных языках — возвратные. Различие между случайно возвратными и собственно возвратными глаголами следующая: бриться, например, — это брить себя, а подняться это не поднять себя, а просто встать, как и ошибаться — не обмануть себя, а совершить ошибку [Декомб 2011: 103].

Здесь нужно учитывать сочетание активности и пассивности в содержании термина «понимание», тем более «взаимопонимание». В греческом языке средний залог может изменить значение глагола в активном залоге. В. Декомб приводит пример с глаголом *timorein*, который в активном залоге означает «следить за» или «отомстить за кого-то», а в среднем залоге означает «персональную защиту» своей чести. «Именно здесь, — полагает Декомб, — содержится ценное указание для философов, которые пытаются охарактеризовать экзистенциальное поведение человека, озабоченного *самим собой*». В том случае, когда я забочусь о своей чести, и речи нет о двух индивидах (я сторож своей чести и не существует некоторого меня, которого я бы охранял)» [Декомб 2011: 107–108]. В латыни депонентные глаголы означают не только то, что делает сам субъект, но что делается через него (*arbitror* не просто «я думаю», но «то, что думается мною» или «через меня»).

Поэтому, на мой взгляд, нет надобности устранять идею понимания в обмен на взаимопонимание: понимание вполне выполняет и эту функцию, и втягивает в речь, помимо непосредственного собеседника, которым могу быть я сам для себя. Тем более что Библер постоянно подчеркивает, что логика, с одной стороны, одноразова, а с другой — речь идет не о разговоре с конкретными носителями разных логик, например, с Платоном, Аристотелем, А.Ф. Лосевым, С.С. Аверинцевым. Более того, Библер, не выкладывая никаких оснований, почему-то полагает, что «персонализация не дана нам в наличном бытии некоего Икса или Игрека (правда, в других случаях уверяя, что эти Икс и Игрек вполне реальны). Его интересует Античность (Средние века, Новое время) как произведение, представляющее весь Разум этой исторической культуры. «Культура становится культурой, получает форму культуры только в глазах, и ушах, и уме *иной* культуры» [Библер 1997: 204]. Не означает ли это, несмотря на диалогическую внутреннюю риторику, предельное выражение монологизма?

Библер В.С. 1991. *От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век.* — М.: Изд-во политической литературы. — 413 с.

Библер В.С. 1997. *На гребнях логики культуры. Книга избранных очерков.* — М.: Русское феноменологическое общество. — 440 с.

Декомб В. 2011. *Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица* / Пер. с фр. М.Голованивской. — М.: Новое литературное обозрение. — 561 с.

Хайдеггер М. 2006. *Что зовется мышлением?* / Пер. Э. Сагетдинова. — М.: Изд. Дом «Территория будущего». — 320 с.